

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Власов

**Новое начало?
Западные немцы
в первое послевоенное
десятилетие**

Препринт М-101/23

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2023

УДК 930.85
ББК 63.3(4Гем)
В58

Власов Н. А.

- В58 **Новое начало? Западные немцы в первое послевоенное десятилетие** / Николай Власов : Препринт М-101/23. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 42 с. — (Серия препринтов; М-101/23; Центр исследований модернизации).

История ранней ФРГ считается образцовым примером построения успешного демократического государства после краха диктатуры. Возможно, отчасти именно по этой причине в общественном сознании существует целый ряд мифов, касающихся послевоенной Германии. Основная цель представленной работы — проследить эволюцию западногерманского общества первого послевоенного десятилетия и раскрыть ее взаимосвязь с политическими и экономическими процессами. Ключевой тезис заключается в том, что «преодоление прошлого» и формирование гражданского общества в ФРГ являлось длительным процессом, основная часть которого разворачивалась уже после создания институтов демократического государства.

Информация об авторе: Николай Анатольевич Власов — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Специализируется в области исследования германской истории второй половины XIX и XX вв. Автор более 100 научных работ, в том числе 8 монографий.

Введение

Исследование общества представляет собой сложную задачу. Если политические решения, как правило, отражены в официальных (пусть даже до поры секретных) документах, а экономические показатели зафиксированы статистическими ведомствами, то мысли и чувства людей гораздо менее доступны для изучения. Источники, на которые вынуждены опираться исследователи, страдают существенными недостатками. Опросы общественного мнения, в силу «магии цифр» зачастую воспринимаемые как максимально точное отражение массовых настроений, не всегда могут считаться надежным инструментом. По словам Г. Юдина, «если спросить, можно ли считать, что опросы дают объективную информацию о том, какова сущность народа и чего хочет общество, то правильный ответ — нет, нельзя» [Юдин 2020: 167]. Другой источник — мемуары. Они привлекают возможностью погрузиться в прошлое, увидеть его глазами современника. Чем выше их художественная ценность, чем ярче и образнее язык, тем более сильное впечатление они производят на читателя. Однако нельзя забывать, что мемуары всегда очень субъективны, отражают точку зрения лишь одного человека и одно и то же событие может предстать в воспоминаниях двух людей в весьма различном виде. То же самое касается и других источников личного происхождения — писем, дневников, анкет и т. п.

Тем не менее изучение общества остается важной задачей. Сегодня представители различных теоретических школ соглашаются друг с другом в том, что важными, если не ключевыми, факторами успеха политических и экономических преобразований являются менталитет общества, существующие в нем ценностные установки [Травин 2022]. Спорным, однако, остается ряд фундаментальных вопросов: являются ли общественные настроения зависимой или независимой переменной, предшествуют ли они политическим и экономическим изменениям либо следуют за ними? Под влиянием каких факторов формируется менталитет общества? Может ли этот менталитет быстро (в исторических

масштабах) и радикально измениться, и если да, то возможно ли произвести такие изменения целенаправленно, «переобучив» общество? Исследователи, которые ищут ответы на эти вопросы, часто обращаются к истории ранней ФРГ.

Германская история XX в. заслуженно остается предметом пристального внимания исследователей, изучающих процессы демократизации. На протяжении всего нескольких десятилетий она дала два примера попытки построения демократического государства. Первый опыт — Веймарская республика — оказался неудачным; определяющую роль в этой неудаче сыграло враждебное или как минимум отстраненное отношение значительной части общества (включая элиты) к новой системе. Для многих немцев она оставалась «нелюбимой демократией» [Hildebrand 1995: 889]. Вторая попытка, несмотря на широко распространенный скепсис в первые годы ее осуществления, получилась удачной. Созданная в 1949 г. ФРГ стала вполне нормальным демократическим государством, не представлявшим опасности ни для соседей, ни для собственных граждан.

Опыт послевоенной ФРГ привлекал большое внимание во всем мире, стал предметом множества исследований, но одновременно породил целый набор мифов, прочно закрепившихся в информационном пространстве. Их спектр довольно широк — от образа западных немцев, оперативно преодолевших свое тоталитарное прошлое и поэтому оказавшихся способными построить демократическую систему, до представлений о «провалившейся денацификации». Анализируя историю германского общества первого послевоенного десятилетия, невозможно не затронуть эти мифы.

В особенности живучими оказываются мифологизированные представления там, где существует дефицит знания. К большому сожалению, история послевоенной Германии и в особенности ранней ФРГ достаточно скудно отражена в русскоязычной литературе. Отечественные исследователи постсоветского периода практически не уделяли ей внимания, переводные работы также крайне немногочисленны и в основном представляют собой популярные биографии первого канцлера ФРГ К. Аденауэра [Уильямс 2002]. Исключением может считаться, пожалуй, лишь история советской политики в рамках собственной оккупационной зоны. Достаточно подробное описание ранней стадии развития «германского вопроса» представлено в монографии А. М. Филитова [Филитов 1993]. Историей первых лет существования ХДС занимается Б. В. Петелин [Петелин 2014]. Проблемам «преодоления прошлого» и восприятия

Третьего рейха в коллективной памяти немцев посвящены исследования А. И. Борозняка [Борозняк 2014] и Н. В. Эппле [Эппле 2020].

Представленная работа не ставит своей целью исчерпывающе заполнить этот пробел — для выполнения такой задачи была бы необходима целая серия монографий, посвященных германской истории первого послевоенного десятилетия. Ее задача — показать характерные черты эволюции послевоенного западногерманского общества с привлечением результатов современных исследований данной проблематики, попутно подвергнув критической оценке некоторые мифы, распространенные в российском информационном пространстве.

Миф о «часе ноль»

Представление о том, что окончание Второй мировой войны стало для немцев «часом ноль» — временем кардинального разрыва с прошлым и нового начала, — широко распространилось еще в 1950-е гг. Метафора оказалась верной в том смысле, что в мае 1945 г. были полностью уничтожены существовавшие государственные структуры и строительство новых институтов происходило в большей или меньшей степени с чистого листа. Однако образ «часа ноль» невозможно использовать для характеристики настроений и менталитета германского общества послевоенного десятилетия.

Безусловно, для определенной части немцев военное поражение стало важным импульсом, позволившим им переосмыслить свое отношение к национал-социализму и радикально пересмотреть собственные взгляды. Были и те, кто радовался крушению Третьего рейха; в конце концов, скрытая оппозиция режиму всегда существовала, и единодушное одобрение политики Гитлера в годы нацистской диктатуры также является мифом, недопустимо упрощающим и искажающим реальность [Старгардт 2021]. Однако для большинства немцев в мае 1945 г. ключевыми эмоциями являлись облегчение от того, что война завершилась, и обида на национал-социалистическое государство, не сумевшее выполнить собственных обещаний [Jarausch 2006: 6]. По мнению ряда исследователей, после 1943 г. большинство немцев уже негативно относились к Гитлеру — его популярность базировалась на образе безусловного победителя, в завершающей фазе войны уже лишившемся своей убедительности [Taylor 2011: 19]. Однако нужно учитывать, что эти выводы основаны во многом на данных опросов, проводившихся

оккупационными державами сразу после окончания войны, когда у респондентов имелись существенные мотивы лукавить при ответах.

Как бы то ни было, разочарование и обида на прежних властителей сами по себе совершенно не подразумевали стремления к созданию демократического государства. Большинство немцев в первые послевоенные годы было в принципе занято не рефлексией, не анализом исторических и политических проблем, а банальным выживанием. К этому примешивались страх за собственное будущее — многие опасались мести победителей — и распространявшиеся слухи о жестоком обращении с мирным населением. Подобного рода инциденты действительно происходили в зоне ответственности всех армий, вступивших на территорию Германии, однако чаще к ним были склонны солдаты из тех стран, которые испытали на себе всю жестокость германской оккупации и террора в годы Второй мировой войны. Из числа западных союзников это, безусловно, были французы [Taylor 2011: 124].

В результате май 1945 г. стал для германского общества весьма неоднозначным рубежом. С одной стороны, прекратились бомбежки и боевые действия, вероятность погибнуть или получить увечья значительно снизилась, нацистский репрессивный аппарат прекратил свое существование, солдаты начали возвращаться домой. С другой стороны, многие сложности только начинались и в течение следующих двух лет продолжали усугубляться.

К моменту окончания войны около половины населения будущей Западной Германии находилось за пределами мест своего постоянного проживания — в лагерях военнопленных, в эвакуации из разбомбленных городов, в пути в поисках родных или куска хлеба. Вскоре сюда добавились массы беженцев, прибывших с восточных территорий, фактически отошедших Советскому Союзу, Польше и Чехословакии. Их общее число в западных оккупационных зонах составило около 12 млн человек [Jähner 2019: 71]. Процесс исхода из утраченных восточных земель превратился в огромную гуманитарную катастрофу; по некоторым оценкам, погибло около 2 млн человек [Brenner 2016: 151].

У оккупационных властей в западных зонах не существовало ни малейшего представления о том, что делать с этим потоком людей — голодных и распространявших эпидемические заболевания. Соотечественники также не демонстрировали гостеприимства. Отношение к беженцам оказывалось зачастую враждебным, «чужаков» рассматривали как нежеланных пришельцев, которые сами виновны в своих бедах. Инициативная группа жителей Шлезвига обратилась в октябре 1945 г.

к фельдмаршалу Монтгомери с просьбой как можно скорее очистить регион от беженцев — «потока чужаков с восточных территорий» [Brenner 2016: 158]. В Баварии прибывающих с востока обвиняли одновременно в том, что они пруссаки, а значит, милитаристы и нацисты, и в том, что они не вполне немцы, а наполовину иностранцы [Jähner 2019: 73–76]. Солидарность в обществе отсутствовала, каждый был сам за себя.

Весьма негативные эмоции у значительной части немцев вызывали и политические эмигранты. Их прямо или косвенно обвиняли в том, что они отсиживались в комфортных условиях за рубежом, пока их сограждане вынуждены были выносить все тяготы войны. Еще летом 1945 г. вспыхнул ожесточенный спор вокруг статьи Томаса Манна «Почему я не возвращаюсь в Германию», в которой знаменитый писатель клеймил всех немцев как соучастников нацистских преступлений [Jähner 2019: 269]. Большинство соотечественников не было готово всерьез воспринимать эту позицию. Впоследствии с теми же самыми обвинениями пришлось столкнуться и В. Брандту, вернувшемуся из эмиграции в Германию и начавшему строить свою политическую карьеру [Кноп 2008: 242].

Еще одной проблемой стали так называемые перемещенные лица (*displaced persons, DP*) — иностранцы, насильственно или добровольно оказавшиеся на территории Третьего рейха: узники концлагерей, военнопленные, иностранные рабочие, а также коллаборационисты, отступившие вместе с вермахтом. Их насчитывалось несколько миллионов; быстро организовать их обеспечение продовольствием и медицинской помощью, а также транспортировку на родину оказалось невозможным. В результате окончание войны никак не облегчило положение многих из них, к тому же отношение немцев к перемещенным лицам представляло собой зачастую смесь ненависти и страха. Это также не добавляло стабильности послевоенной ситуации в западных оккупационных зонах.

Наконец необходимо упомянуть и гендерный дисбаланс. Послевоенное немецкое общество являлось во многом «обществом женщин»: миллионы мужчин погибли или оставались в лагерях военнопленных, лишь постепенно возвращаясь домой. Особенно серьезным был дисбаланс у молодежи: в возрастной категории 20–25 лет в 1946 г. на 100 мужчин приходилось 160 женщин [Ramelsberger 2015]. Это способствовало разрушению традиционной патриархальной модели семьи.

Но самое главное, что с крушением Третьего рейха прекратили функционировать государственные структуры, отвечавшие за поддержание порядка и распределение снабжения. Несмотря на то что победители

постарались как можно скорее организовать новые административные механизмы и службы правопорядка, привлекая известных оппонентов режима, первые послевоенные месяцы сопровождались всплеском преступности. Были широко распространены грабежи магазинов и продовольственных складов, собственность государства и крупных компаний стала в глазах многих немцев «ничейной».

Несмотря на то что со временем ситуация несколько стабилизировалась, снабжение населения углем и продовольствием по-прежнему представляло собой большую проблему. Собственное аграрное производство оказалось явно недостаточным, транспортная система находилась в состоянии коллапса (по некоторым данным, оказалось выведено из строя до 90 % железнодорожной сети [Birke 1989: 25]), промышленное производство было практически остановлено. В результате складывалась ситуация, когда, например, шахтеры Рура снижали свою выработку из-за того, что не могли получить положенное продовольствие, а уже добытый ими уголь не вывозился из-за недостаточной пропускной способности разбомбленных железных дорог, и жители крупных городов мерзли в своих квартирах.

Нормы выдачи продовольствия по карточкам были откровенно небольшими. Даже в относительно благополучной американской зоне они составляли 1330 калорий в день — существенно ниже того, что считалось минимально необходимым; в английской и французской зонах паек был более скудным: 1050 и 900 калорий соответственно [Taylor 2011: 201]. Но реально обеспечить выдачу даже этого объема оказывалось возможным далеко не всегда. Причины были вполне объективными, однако многие немцы воспринимали сложившуюся ситуацию как сознательный обман, желание уморить германское население голодом. Спустя полтора года после окончания войны ситуация с продовольственным снабжением во многих местностях была хуже, чем в последний год существования Третьего рейха. Виновниками происходящего сплошь и рядом считали победителей. «Голод не предполагает поиска причинно-следственных связей, разве что самых поверхностных, — писал осенью 1946 г. посетивший Германию норвежский журналист С. Дагерман, — а значит, оказавшийся в такой ситуации человек в первую очередь обвинит тех, кто сверг режим, ранее снабжавший его всем необходимым, потому что теперь его снабжают куда хуже, чем он привык» [Дагерман 2023: 23]. Особенно плохо обстояли дела в британской зоне оккупации, где находились крупные города, а масштабный ввоз продовольствия был затруднен в связи со сложным положением в самой Великобритании.

Ситуация здесь уже в 1946 г. стала почти катастрофической [Taylor 2011: 211].

Самым трудным временем в послевоенной Германии стала «голодная зима» 1946/47 г. Плохие урожаи, недостаточные поставки из-за рубежа и по-прежнему далекая от идеальной система распределения привели к тому, что западные оккупационные зоны оказались на грани массового голода. Нередки были случаи, когда люди ослабевали настолько, что не могли выйти на работу, — например, в Кёльне, где реальный объем выдачи продовольствия по карточкам сократился в начале 1947 г. до 746 калорий в день [Brenner 2016: 101]. Избежать катастрофы удалось только благодаря масштабному импорту продовольствия, в том числе за счет усилий благотворительных организаций.

Однако избыточная смертность все равно оказалась высокой. В замерзавших и голодавших городах особенно быстро распространялись эпидемические заболевания. Сильнее всего от голода страдали те, кто не имел доступа к черному рынку. К примеру, в психиатрической лечебнице Дюссельдорфа в 1947 г. из 700 пациентов скончалось около 160 [Brenner 2016: 116].

Естественно, все это приводило к расцвету полуполюгальных и нелегальных механизмов обеспечения. Германия 1946–47 гг. во многом напоминала Россию эпохи Гражданской войны. Было широко распространено мешочничество — тысячи жителей крупных городов ежедневно отправлялись на переполненных поездах или пешком в сельскую местность, чтобы выменять или выпросить у крестьян немного продуктов. Процветал черный рынок, все меры властей по борьбе с ним оказывались совершенно неэффективными. Оставшиеся в обращении рейхсмарки не имели большой ценности, практиковался прямой товарообмен, и на некоторых работавших предприятиях в качестве зарплаты рабочим специально выдавали товары, которые можно было бы обменять на еду. Своеобразной «эрзац-валютой» стали американские сигареты. Широко распространились спекуляция и контрабанда. В конечном счете процветало воровство; если красть друг у друга считалось зазорным, то все не принадлежавшее конкретному человеку считалось ничейным. К примеру, многие немцы не видели ничего плохого в том, чтобы остановить поезд или грузовик с углем и растащить значительную часть его груза. Приметой времени стало также выкручивание лампочек в общественных местах. Часто всем вышеперечисленным занимались дети и подростки — в них вряд ли стали бы стрелять, и даже в случае поимки им не грозило строгое наказание.

При этом было очевидно, что подобного рода «самообеспечением» немцы занимаются не от хорошей жизни; многие просто не смогут иным способом удовлетворить свои базовые потребности. 31 декабря 1946 г. кельнский архиепископ Йозеф Фрингс в своей проповеди публично заявил, что седьмая заповедь («Не укради») не действует, когда речь идет о спасении жизни и здоровья. Проповедь вызвала сильное недовольство британских оккупационных властей и приобрела огромную популярность в Германии. Появился даже глагол «фрингсить» (*fringsen*), которым обозначали кражу жизненно необходимых вещей [Jähner 2019: 189].

Для коллективной психологии немцев происходящее имело целый ряд важных последствий. Первое из них заключалось в том, что проблемы недавнего прошлого быстро отошли на второй план. Занятые элементарным выживанием, находившиеся на грани голодной смерти, люди не раздумывали над коллективной виной. Более того, они были склонны считать жертвами в первую очередь самих себя. Сначала жертвами Гитлера, потом жертвами жестокости победителей, — поскольку именно последние взяли на себя в 1945 г. ответственность за немецкий народ, ухудшение жизненных условий тоже нередко записывали на их счет. Это представление о себе как о жертвах сохранилось еще на десятилетия; оно позволяло релятивизировать преступления Третьего рейха, изобразить произошедшую катастрофу своего рода стихийным бедствием, во время которого каждый спасался как мог.

Само по себе формирование дискурса «страданий и жертв» имело как минимум одно позитивное последствие. В отличие от Первой мировой войны, воспоминания о которой сплошь и рядом носили героический и романтизированный характер (Э. Юнгер был в Веймарской республике куда популярнее Э. М. Ремарка), Вторая мировая воспринималась как трагедия. Это автоматически сдерживало развитие реваншистских идей и препятствовало появлению культа военной силы, характерного для значительной части немецкого общества 1920-х гг.

Однако тот же дискурс способствовал формированию в немецком обществе второй половины 1940-х гг. resentimenta. Довоенный период все чаще вспоминали с ностальгией. С. Дагерман в своих очерках описывал «атмосферу обиды на союзников, смешанную с самоуничижением, апатией, всеобщей склонностью к сравнениям настоящего с прошлым, причем не в пользу первого» [Дагерман 2023: 17]. Распространялись представления о том, что победители ненавидят не только нацистов, но и немцев как народ. При этом подобного рода высказывания можно

было слышать не только от затаившихся нацистов, но и от противников Третьего рейха [Jähner 2019: 270]. Если весной 1945 г. мирное население практически никак не сопротивлялось оккупации, то вскоре ситуация стала меняться. На предприятиях, подлежащих демонтажу, происходили стачки и митинги протеста. После особенно масштабной стачки в Руре в марте 1947 г. оккупационные власти запретили протестные мероприятия. В том же году в Брауншвейге английских военнослужащих пытались забросать камнями. Чем ниже падал уровень обеспечения самым необходимым, тем сильнее росла враждебность к оккупационным державам и тем больше становилась вероятность протестных выступлений. Дело доходило до того, что люди, сотрудничавшие с победителями и, к примеру, выдававшие им нацистских преступников, становились объектами ненависти и травли со стороны собственных сограждан — случаи, имевшие место и впоследствии, в начале 1950-х гг. [Frei 2002: 217].

Былые преступления вскоре вообще перестали интересовать многих. И недавние противники нацизма, и недавние «партайгеноссе» оказались в одинаковых условиях — часто они совместно воровали уголь с поездов и стояли в очередях в надежде отоварить продовольственные карточки. Это создавало у многих ощущение общности судьбы, примиряло друг с другом недавних противников. Более того, стремление найти и наказать всех преступников вскоре стало вызывать раздражение не только у тех, кому действительно было чего опасаться, но и у людей, в недавнем прошлом дистанцировавшихся от нацизма.

Такое же раздражение зачастую вызывала попытка начать дискуссию о войне и ответственности. Трактат К. Ясперса «Вопрос о виновности» [Ясперс 1999] встретил холодный прием у соотечественников, сам философ предпочел в 1948 г. переехать в Базель. Гораздо более популярной была небольшая книга Ф. Мейнеке «Германская катастрофа», опубликованная в 1946 г. и ставшая бестселлером (в 1947 г. увидело свет уже третье ее издание) [Meinecke 1947]. В ней автор рассуждал об общих причинах появления национал-социализма, видя в нем результат общественного развития индустриальной эпохи и обходя вопрос об ответственности немцев. Знаменитый пастор М. Нимёллер, выступая в январе 1946 г. с проповедью в Эрлангене перед студенческой аудиторией, заявил о том, что все немцы должны осознать свою вину; аудитория ответила бурным протестом, слушатели массово покидали помещение. В результате следующее выступление Нимёллера в Марбурге пришлось отменить [Fisher 2007: 59–61]. Как писал А. И. Борозняк, «рядовые

немцы и слышать не хотели о национальной вине и национальной ответственности» [Борозняк 2014: 19].

Даже спустя несколько лет после окончания войны многие немцы вспоминали Третий рейх с теплотой. На рубеже 1940–50-х гг. больше половины опрошенных заявляли, что национал-социализм сам по себе был хорошей идеей; в качестве особенно позитивной характеристики подчеркивалась способность режима поддерживать порядок внутри страны. 40 % немцев называли период с 1933 по 1939 г. лучшим временем в германской истории; большинство оставшихся выбирали Второй рейх, и только 2 % — современную им ФРГ. Около трети западных немцев считали Гитлера выдающимся государственным деятелем; примерно столько же считали, что Германии будет лучше без евреев [Smith 2020: 581–582]. В 1948 г. в американской оккупационной зоне менее половины опрошенных называли демократию предпочтительным принципом государственного устройства [Jarausch 2006: 145]. Оценивая эти цифры, важно помнить, что в период оккупации и денацификации значительная часть опрашиваемых имела мотив скрывать свои реальные воззрения. Националистические и авторитарные настроения, таким образом, никуда не исчезли.

Еще в меньшей степени понятие «час ноль» может относиться к конкретным людям, игравшим важную роль в нацистском государстве и обществе. Тема преемственности элит начала широко обсуждаться в ФРГ лишь в конце XX в., когда большинство фигурантов уже сошли в могилу. Разумеется, высокопоставленные функционеры НСДАП или высшие чины СС не имели в послевоенной Германии практически никаких шансов на успешную карьеру. Однако те, кого можно было бы назвать представителями профессиональных элит — военные, дипломаты, публицисты, юристы, врачи, ученые — пережили «час ноль» безболезненно, если демонстрировали хотя бы минимальную лояльность новому строю. В 2001 г. в ФРГ под редакцией крупного историка Н. Фрая вышли серия документальных фильмов и коллективная монография «Элиты Гитлера после 1945 года» [Hitlers Eliten... 2001], демонстрировавшие высокую степень преемственности в этих областях. Тема преемственности элит не раз поднималась и в дальнейшем — к примеру, в фундаментальной работе «Ведомство и прошлое», посвященной ключевой роли нацистских дипломатов в формировании и функционировании внешнеполитического ведомства ранней ФРГ [Conze, Frei, Hayes, Zimmermann 2010]. Достаточно привести лишь некоторые цифры: летом 1949 г. в городских администрациях Верхней Баварии бывшие члены НСДАП составляли

42 % чиновников, бывшими нацистами являлись 60 % баварских судей; в британской оккупационной зоне этот показатель доходил до 80 % [Brenner 2016: 257].

В качестве одного из примеров можно взять карьеру Отмара фон Фершуэра — немецкого ученого-медика, в годы Третьего рейха занимавшегося проблемами расовой гигиены и евгеники. В 1942 г. он был назначен директором берлинского Института кайзера Вильгельма. Фершуэр поддерживал тесный контакт с пресловутым Й. Менгеле, участвовал в реализации программ принудительной стерилизации и занимался исследованиями, призванными подкрепить концепцию расового превосходства германцев. После войны его карьера ненадолго застопорилась, однако в конце 1946 г. он успешно прошел процедуру денацификации. Фершуэр утверждал, что ничего не знал о происходящем в Освенциме и занимался «чистой наукой», а по отношению к режиму сохранял критическую дистанцию. Несмотря на довольно скудные доказательства наличия этой дистанции, ему удалось в конечном итоге снять с себя все обвинения. Он не только продолжил академическую карьеру, но и стал в 1952 г. председателем Немецкого антропологического общества, а в 1954 г. — деканом медицинского факультета в Мюнстере [Hitlers Eliten... 2001: 33]. Такого рода биографии исчислялись тысячами, и вплоть до 1970-х гг. во многих западногерманских профессиональных сообществах попытки «ворочить прошлое» встречали дружный отпор.

Здесь следует, опять же, подчеркнуть многообразие как человеческих судеб, так и реакций на поражение и крушение Третьего рейха. Для одних это было просто сменой декораций, в которых они продолжали свою деятельность, не изменив взгляды и не подвергая какой-либо критической оценке собственное прошлое. Для других катастрофа государства стала поводом к глубокому переосмыслению собственных убеждений. Третьим в принципе было глубоко безразлично, кто находится у власти. Это многообразие хорошо отражено в работе Б. Швеллинг, где реконструируются различные типы реакции на смену режима в 1945 г. [Schwelling 2001].

В качестве примера совершенно разных реакций людей из одного профессионального круга и со схожей биографией в период национал-социализма можно привести двух крупных немецких историков XX в. — Теодора Шидера и Фрица Фишера.

Родившийся в 1908 г., Шидер еще в студенческие годы являлся членом радикально националистической и антисемитской молодежной организации. По своим взглядам он был ближе к деятелям «консервативной

революции», чем к нацистам, но тем не менее приветствовал приход Гитлера к власти и немало выиграл от него. В 1937 г. Шидер вступил в НСДАП. Далее он работал в архивной службе в Кёнигсберге, входил в состав экспертной группы при гауляйтере Э. Кохе, разрабатывавшей, в частности, план действий на оккупированных польских территориях. Осенью 1939 г. в представленном начальству меморандуме требовал массовой депортации поляков и полной «очистки» Польши от евреев. В годы Второй мировой войны обрабатывал трофейные документы, снабжая гауляйтера ценной информацией. Кох, в свою очередь, считал Шидера незаменимым сотрудником. Молодой историк активно участвовал в пропагандистской работе, выступал с публичными лекциями на тему исторической миссии немецкой нации, под занавес войны вступил в «Рабочую группу по изучению большевистской мировой угрозы». В 1945 г. успел бежать на территорию западных оккупационных зон, поначалу имел некоторые проблемы с трудоустройством, однако в конце 1947 г. был официально признан невиновным в преступлениях режима. Это открыло перед ним возможность дальнейшей блестящей карьеры: в 1948 г. Шидер стал профессором Кёльнского университета. Впоследствии он принимал участие в создании ряда исторических обществ и Билефельдского университета, долгие годы работал ведущим редактором всемирно известного «Исторического журнала», в 1967–72 гг. возглавлял Союз немецких историков, пользовался широкой известностью и признанием за пределами Германии, получил две высшие государственные награды ФРГ. Являлся автором множества работ по германской истории, при этом особое внимание уделял послевоенной трагедии немцев, изгнанных из утраченных по результатам Второй мировой войны восточных областей. До конца жизни Шидер не пытался публично высказаться по поводу первой половины собственной биографии (не говоря уже о каком-либо покаянии). В конце концов, именно так поступали очень многие его ровесники, работавшие в самых различных областях — от бизнеса до общественных наук.

Фриц Фишер появился на свет в том же году, что и Шидер. Их биографии до определенного момента тоже весьма похожи: участие в молодежных националистических движениях, вступление в СА в 1933 г. и в НСДАП в 1937 г. Добровольцем вступил в вермахт, в годы Второй мировой войны выступал с пропагандистскими докладами. В 1945–46 гг. находился в лагере для интернированных, где началось его переосмысление немецкого прошлого. В 1950-е гг. занялся историей германской политики эпохи империализма и уже в 1961 г. опубликовал свою

знаменитую книгу «Рывок к мировому господству» [Фишер 2017], в которой обосновывал тезис о наличии у германского руководства в годы Первой мировой войны захватнических целей. Эта монография, а также последующие работы Фишера вызвали весьма болезненную реакцию консервативных историков, продолжавших настаивать на относительной невинности Германии в Первой мировой войне. Последовавший «спор о Фишере» стал одной из двух главных исторических дискуссий в ФРГ второй половины XX в. и имел огромный общественный резонанс. Критика традиционных националистических концепций немецкой историографии «слева» была для Фишера способом проработать свое собственное прошлое.

Миф о «перевоспитании»

Само по себе германское общество оказалось неспособно к радикальным изменениям, однако, на счастье для немцев и остального мира, их перевоспитание взяли на себя державы-победительницы. Именно они наказали преступников, создали новые демократические институты и защищали их в дальнейшем, учили простых немцев быть добропорядочными гражданами республики; ФРГ является целиком и полностью их творением.

С этим мифом в российском информационном пространстве также приходится сталкиваться довольно часто. При этом без ответа остается вопрос о том, почему насильственное внедрение демократии оказалось столь успешным в одном случае и не привело ни к каким результатам в других, несмотря на значительно больший объем затраченного времени и усилий. Между тем даже поверхностное знакомство с политикой оккупационных держав показывает, что их возможности были довольно ограниченными, а достигавшийся эффект нередко прямо противоположным ожидаемому.

Вопрос о том, что делать с побежденной Германией, начал обсуждаться в странах Антигитлеровской коалиции задолго до мая 1945 г. Радикальные варианты — раздробить страну на несколько малых государств, изолировать ее в Европе силовыми мерами, превратить в аграрное государство путем уничтожения всей крупной промышленности — довольно скоро оказались отвергнуты. Часть из них была признана нереалистичной, часть могла привести к весьма долгосрочным и негативным последствиям, превратив Германию в постоянный очаг

нестабильности в Европе. В итоге на конференциях союзников было принято принципиальное решение сохранить единое государство и постараться придать ему демократический характер.

Последнее считалось непростой задачей. После двух мировых войн в стане победителей, в особенности в США, было распространено представление о том, что источником проблем является немецкий национальный характер как таковой. Весьма красноречиво название опубликованной в 1943 г. книги американского психолога Р. Брикнера «Неизлечима ли Германия?». Брикнер развивал идею о том, что немецкое общество на протяжении многих поколений больно коллективной паранойей [Fay 2008: 18]. В начале 1945 г. в английских и американских штабах распространялся документ под названием «Немецкий характер», в котором нацизм назывался «лишь крайним проявлением» ононого [Birke 1989: 15]. «Переобучение» (re-education), соответственно, представлялось сложной задачей, которая потребует большого количества времени и больших усилий в самых разных областях — от системы образования до культурной сферы.

По мере приближения англо-американских войск к границам рейха вопрос о том, какую политику проводить на оккупированных территориях, становился все более актуальным. В военном руководстве западных союзников толком не знали, чего ждать от немцев, — не исключался вариант как отчаянного фанатичного сопротивления, включая масштабную партизанскую войну, так и гражданской войны между нацистами и их противниками, которые воспользуются первой возможностью, чтобы за все поквитаться. Американское командование с самого начала официально сделало акцент на том, что ни о каком «освобождении» немцев речи быть не может — они являются побежденным противником (об этом прямо говорила директива JSC 1067, изданная в апреле 1945 г.) [Brenner 2016: 17]. Солдатам армии США запрещалось контактировать с немецким мирным населением — действовал так называемый «запрет братаний», впрочем, далеко не везде и не всегда строго соблюдавшийся. Большим сюрпризом для американских солдат и офицеров стало то, что немецкое население не выражало никакого желания сопротивляться, в германских городках авангарды союзников зачастую встречали свисавшие из окон белые полотнища.

Отсутствие необходимости вести войну против мирного населения было большим облегчением, однако с самого начала победителям пришлось столкнуться с серьезными проблемами, которые им удалось решить лишь в ограниченном масштабе. Одной из этих проблем стало

размещение огромной массы немецких военнопленных. Зачастую их приходилось содержать в импровизированных лагерях под открытым небом, с недостаточным и скорее эпизодическим снабжением водой и пищей [Taylor 2011: 187–192]. Другой проблемой, о которой уже говорилось выше, стало обеспечение потребностей гражданского населения. Естественно, что в глазах этого населения все возникающие проблемы являлись следствием равнодушия, если не злонамеренности победителей.

Нужно подчеркнуть, что западные союзники с самого начала не считали возможным организовать собственную систему управления оккупированными территориями. Сразу же после окончания боев за определенную территорию они начинали искать достойных кандидатов в местную администрацию. Безусловно, на начальном этапе эти администраторы подчинялись военным инстанциям держав-победительниц, и с формированием органов власти более высокого уровня западные державы не спешили. К тому же объективно существовала кадровая проблема, — по словам К. Ярауша, «поиски достойных демократов оказывались по большей части тщетными» [Jarausch 2006: 9]. Тем не менее к концу 1945 г. на уровне земель в западных оккупационных зонах функционировал развитый немецкий административный аппарат и действовали политические партии. На повестке дня стоял вопрос о межземельном и межзональном взаимодействии этих структур.

Ключевым понятием при описании политики держав-победительниц в отношении немцев часто становится денацификация. Это слово обычно употребляется в достаточно узком смысле — подразумевается наказание людей, совершивших в Третьем рейхе различного рода преступления от имени режима. В действительности под денацификацией победители понимали широкий комплекс мероприятий, направленных на ликвидацию институтов и практик нацистского режима, — от системы образования и правовых норм до формирования новых элит, способных построить демократическое государство [Levau 2020: 49].

И такие мероприятия действительно проводились. Далеко не все из них увенчались успехом. К примеру, попытка в 1946 г. провести в американской зоне оккупации школьную реформу, введя единую общеобразовательную школу вместо нескольких традиционных для Германии типов учебных заведений, закончилась неудачей. Точно так же оказалось технически невозможным полностью отказаться от услуг учителей, являвшихся раньше членами НСДАП, поскольку их оказалось попросту нечем заменить. В полной мере удалось лишь очистить от

националистического и милитаристского содержания учебные программы. История с неудавшейся школьной реформой тем более показательна, что с самого начала в рамках денацификации работе с молодежью уделялось особое внимание — именно молодежь часто считалась наиболее индоктринированной нацизмом частью германского общества [Fisher 2007: 64].

Успешнее была политика в области прессы: всем «старым издателям», публиковавшим периодику в годы Третьего рейха, было запрещено продолжать свою деятельность. Лицензии выдавались только «новичкам», и работали они под контролем специальных офицеров по делам прессы. Значительную часть СМИ напрямую контролировали и издавали победители. Однако этот период продлился недолго. «Старым издателям» удалось вернуться в бизнес в начале 1950-х гг. и даже в некоторой степени восстановить утраченные позиции, однако «новички» уже смогли закрепиться на рынке. Одним из них был Якоб Аугштайн, выпускавший ставший вскоре знаменитым еженедельник «Шпигель».

Большое внимание уделялось борьбе с милитаристскими традициями: были запрещены ношение униформ, военные праздники и определенные «военизированные» виды спорта, библиотеки очищались от «вредных» книг. В то же время попытка очистить культурную сферу от сотрудничавших с национал-социалистическим режимом, предпринятая американскими властями, завершилась неудачей: немцы громко и успешно требовали возвращения на сцену любимых исполнителей [Brenner 2016: 178].

Разумеется, вопрос о том, каким образом наказывать индивидуальных преступников, также являлся важной составной частью денацификации. После окончания войны в западных оккупационных зонах около 180 тыс. человек, которые в силу занимаемых постов считались причастными к нацистским преступлениям, были помещены в специальные лагеря для интернированных (так называемые автоматические аресты), где ожидали рассмотрения своих дел. Кроме того, вскоре после победы оккупационные власти приступили к повальным увольнениям всех бывших членов НСДАП (в особенности вступивших в партию до 1937 г.) с ключевых должностей в административном аппарате, судебной системе, системе образования, других ключевых для функционирования государства и общества сферах. Так, в одном Франкфурте-на-Майне было уволено около 70 % чиновников, во всей американской оккупационной зоне к марту 1946 г. по политическим причинам лишились своих рабочих мест 340 тыс. человек [Brenner 2016: 246]. По некоторым данным,

увольнение поначалу затронуло также 80–85 % школьных учителей [Jarausch 2006: 50]. Это мгновенно вызвало дефицит квалифицированных кадров. Такой дефицит грозил не только косвенными, но и самыми прямыми негативными последствиями: увольнение менеджеров и технических специалистов в Руре привело к крупным авариям на шахтах [Taylor 2011: 302].

Попытка заместить убыль вернувшимися в Германию эмигрантами, противниками нацистского режима и возвращенными на рабочие места пенсионерами оказалась лишь частично успешной. Полностью ликвидировать кадровый голод не удалось, и постепенно оккупационным державам приходилось соглашаться на возвращение на свои посты — пусть на определенных условиях и в ограниченном количестве — бывших нацистов. Так, в британской оккупационной зоне в октябре 1945 г. было издано распоряжение о том, что 50 % бывших членов НСДАП, работавших в судебной сфере, следует считать «номинальными нацистами» и позволить им оставаться на своих постах [Taylor 2011: 265]. Такая политика выглядела непоследовательной в глазах многих немцев и подрывала их доверие к процессу денацификации в принципе. Определенную роль играло и то, что тактика различных оккупационных держав существенно отличалась: наиболее строго и последовательно действовали американцы, в то время как англичане и французы сосредоточились на поиске и наказании главных преступников.

Весьма сложной была также реакция немецкого общества на Нюрнбергские процессы, включая самый знаменитый из них — суд над главными военными преступниками. С одной стороны, мало кто симпатизировал подсудимым, с другой — в глазах многих немцев процессы выглядели «правосудием победителей». Однако в гораздо большей степени жителей западных оккупационных зон затрагивало знаменитое массовое анкетирование, организованное победителями уже менее чем через год после окончания войны.

Форма анкеты была разработана американскими властями и включала в себя 131 вопрос, касавшийся принадлежности анкетированного к государственным и партийным структурам, его деятельности и взглядов. Анкеты рассматривались специальными комиссиями, выносившими решение о принадлежности анкетированного к одной из пяти категорий: главные преступники, виновные, менее виновные, попутчики и невиновные. В зависимости от категории назначалось наказание (тюремное заключение или штраф); кроме того, принадлежность к первым трем категориям была сопряжена с существенными ограничениями — например,

практически полным запретом на занятие любых руководящих должностей. В британской и французской зонах была принята та же система с незначительными изменениями. Планировалось, что заполнять анкеты будут все взрослые немцы; только в американской зоне было заполнено 13 млн анкет [Brenner 2016: 252].

Благодаря тому что картотека НСДАП пережила крушение режима и была после войны доставлена в Берлин, оккупационные власти имели возможность проверять данные анкет. Безусловно, эта возможность являлась во многих случаях скорее теоретической — организовать действительно массовую проверку оказывалось затруднительно по техническим причинам. Тем не менее сама возможность быть уличенным во лжи с довольно тяжелыми последствиями дамокловым мечом висела над заполнявшими анкету.

Облегчить участь человека, которому грозило попадание в одну из «проблемных» категорий, могли данные о его оппозиционной деятельности или хотя бы критической дистанции в отношении режима. Источниками подобного рода данных могли быть только очевидцы, и к анкете разрешалось прилагать сопроводительные документы — свидетельства жертв режима или людей, признанных незапятнанными. Располагавшие необходимыми материальными возможностями могли также прибегать к услугам адвокатов, что обычно положительно сказывалось на исходе рассмотрения их анкет.

Разумеется, обработка миллионов анкет представляла собой титаническую задачу. Однако возможности избежать ее, осудив скопом всех причастных к национал-социалистическому режиму, у победителей не было: наказывать пришлось бы слишком многим. Власти Третьего рейха предприняли масштабные усилия для того, чтобы обеспечить вовлечение в систему широких слоев немецкого общества. Каждый, кто претендовал на сколько-нибудь значимый пост, обязан был вступить в партию, и в результате к моменту окончания войны в Германии насчитывалось около девяти миллионов «партайгеноссе» [Brenner 2016: 229]. К этому добавлялись миллионы членов различных национал-социалистических организаций. Попытка покарать или без разбора поразить их в правах привела бы к формированию многочисленного сообщества людей, которые считали бы себя пострадавшими и в штыки воспринимали бы любой новый порядок, возникший с согласия оккупационных держав. Это, в свою очередь, подрывало бы стабильность нового государства, которое в итоге могло оказаться очередной «нелюбимой республикой». Кроме того, среди членов НСДАП имелось немало тех, кто вступил

в нее чисто формально, уступив давлению местного партийного руководства, и не участвовал напрямую ни в каких преступлениях. Нередки были также случаи, когда человек, к примеру, вступал в ряды СА, чтобы таким образом избежать необходимости становиться членом партии. Наказать всех одинаково на основании формальных критериев значило практически наверняка вызвать масштабное недовольство.

Этот результат стал бы прямой противоположностью той цели, ради которой и была затеяна массовая проверка. Основная идея оккупационных властей заключалась не в том, чтобы покарать за прошлое (это была важная, но второстепенная задача), а в том, чтобы выявить людей, способных продолжить деструктивную деятельность в будущем. Денацификация была устремлена в будущее сильнее, чем в прошлое, и с течением времени эта тенденция только усиливалась. Таким образом, если человек демонстрировал готовность отказаться от своих прошлых взглядов, он мог отделаться довольно легко. Этот принцип — интеграция важнее наказания — лег в первой половине 1950-х гг. в основу внутренней политики Аденауэра.

Однако индивидуальная проверка миллионов человек оказалась слишком масштабной и в конечном счете непосильной задачей. Уже в 1946 г. в американской оккупационной зоне работа с основной массой анкет была передана в руки немецких судебных комиссий (Spruchkammer); до этого момента своими силами американцы успели обработать почти 1,6 млн анкет [Taylor 2011: 267]. В британской оккупационной зоне аналогичный шаг был сделан осенью 1947 г. Во французской зоне анкеты заполнялись лишь меньшинством взрослых немцев, что существенно облегчало задачу; здесь немецкие представители были вовлечены в процесс проверки анкет почти с самого начала.

Члены немецких судебных комиссий, особенно в сельской глубинке, часто оказывались не на высоте поставленной задачи. Им не хватало необходимой квалификации, нередко они рассматривали дела своих знакомых и соседей, вынося весьма мягкие решения. Порой им приходилось сталкиваться с угрозами и насилием со стороны сограждан, заподозривших их в излишнем рвении; имели место поджоги служебных помещений и покушения [Taylor 2011: 284]. Поскольку сами стандарты были довольно расплывчатыми, в двух соседних судебных комиссиях в одинаковых случаях нередко выносились совершенно разные приговоры, что, естественно, не способствовало позитивной оценке всего процесса немецким обществом. Хотя победители сохранили за собой право вмешиваться в деятельность немецких органов и самостоятельно

решать судьбу главных преступников, их ресурсы также были далеко не безграничными.

Широкую известность получила практика «отбеливания репутации» за счет свидетельств об оппозиционной деятельности и настроениях. В послевоенной Германии за этими документами закрепилось насмешливое прозвище «персильных удостоверений» — от названия моющего средства «Персил». Считалось, что их можно было добыть без особого труда, едва ли не купить на черном рынке. В историографии также надолго закрепился образ «персильных удостоверений» как откровенных филькиных грамот, позволявших реальным преступникам уйти от ответственности и даже предстать в роли жертв режима [Brenner 2016: 255]. Современные исследования, основанные на изучении большого массива документов, ставят под вопрос этот тезис — по крайней мере, множество простых немцев напряженно искали среди своих знакомых таких людей, которые могли бы свидетельствовать в их пользу, а найдя, были далеко не уверены в положительном ответе на свою просьбу [Leßau 2020: 143]. Однако в то же время не подлежит сомнению наличие в определенных кругах, в особенности профессиональных сообществах, целых «каскадов» оправдывающих свидетельств: человек, сумевший добиться статуса «невиновного», охотно свидетельствовал в пользу бывших коллег, которые благодаря этому получали заветный статус и помогали следующим коллегам.

Какой бы ни была реальность, слухи о том, как при помощи «персильных удостоверений» недавние нацисты с легкостью предстают в роли пострадавших, подрывали доверие немецкого общества ко всему процессу в целом. Кроме того, значительная часть анкетированных — в особенности представители академических кругов — довольно болезненно воспринимали саму необходимость проходить довольно унижительную процедуру и доказывать собственную невиновность. Не случайно одним из бестселлеров в ранней ФРГ стал опубликованный в 1951 г. роман известного деятеля так называемой консервативной революции Э. фон Заломона «Анкета», высмеивавший союзническое правосудие [Заломон 2019].

Да и сами оккупационные власти стремительно теряли интерес к тотальной проверке анкет: на повестке дня стояли более важные задачи. Довольно быстро от необходимости проходить назначенную процедуру стали освобождаться широкие категории лиц — к примеру, все родившиеся после 1919 г. или солдаты, возвращавшиеся с войны. Число таких «освобожденных», по некоторым оценкам, достигало 75 % от

общего числа подлежащих проверке [Brenner 2016: 255]. Наказания все время смягчались, все меньший процент представших перед судебными комиссиями попадал в категории преступников и соучастников. В итоге было рассмотрено 3,66 млн дел: 1667 человек попали в категорию главных преступников, 23 тыс. — виновных, 150 тыс. — менее виновных (в совокупности менее 5 % от общего числа) [Jarausch 2006: 54]. Многие впоследствии смогли добиться перевода в категории «попутчики» и даже «невиновные».

Начавшаяся холодная война привела к изменению приоритетов победителей; в 1948 г. проверки были окончательно завершены. В результате сплошь и рядом возникала парадоксальная ситуация: всевозможные «попутчики», чьи дела считались простыми и потому рассматривались в первую очередь, ощущали на себе всю строгость денацификации, в то время как действительно запятанные деятели режима, сидевшие после «автоматических арестов» в лагерях в ожидании, пока очередь дойдет до них, отделались сравнительно легко. Это также не способствовало формированию позитивного имиджа денацификации в глазах многих немцев. По данным опросов, если в 1946 г. всю вышеописанную процедуру считали оправданной 57 % респондентов, то в 1949 г. — всего 17 % [Jarausch 2006: 55].

Реальная эффективность «анкетной кампании» и сегодня остается спорным сюжетом. Широко распространено мнение о провале денацификации. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой необходимость отвечать на неудобные вопросы привела хотя бы часть немцев к переосмыслению всего прошлого. Кроме того, денацификация способствовала закреплению представлений о нацистском режиме как нелегитимном и преступном и в этом плане имела долгосрочный позитивный эффект [Jarausch 2006: 58].

Стремясь трансформировать, «переобучить» немецкое общество, державы-победительницы использовали широкий набор разнообразных инструментов. Одним из самых известных являлась демонстрация документальных фильмов о концентрационных лагерях (к примеру, «Мельницы смерти»). Увы, реальный эффект от этой меры, скорее всего, оказался ничтожным [Benz 1992: 193]. Число зрителей было достаточно велико — в одном только Берлине около 160 тыс. [Jähner 2019: 287], однако многие отрицали реальность демонстрируемых на экране фактов. Уже в 1946 г. показ подобного рода фильмов был прекращен.

Гораздо более серьезный успех обещала демонстрация художественных лент, которые могли бы ненавязчиво продемонстрировать немецкому

зрителю преимущества западного (в первую очередь американского) образа жизни. В США такие фильмы тщательно отбирались и потом пользовались немалым успехом в немецких кинотеатрах, хотя в иной культурной среде главный посыл ленты считывался далеко не всегда. Кроме того, немцы, привыкшие к нацистским пропагандистским фильмам, часто воспринимали изображение жизни в США в американских кинолентах как пропаганду, не имевшую ничего общего с действительностью [Fay 2008]. Перед художественными фильмами в обязательном порядке показывали еженедельный киножурнал «Мир в кино».

С 1947 г. были начаты программы молодежного обмена между Германией и США, в немецких городах создавались дискуссионные клубы, проводились мероприятия, призванные привить наиболее активной части немецкого общества демократическую культуру. Однако вполне очевидно, что такие меры не могли — да и не ставили целью — охватить большое число людей.

Немалую роль играли и личные контакты. Американские власти достаточно быстро отменили «запрет братаний» и, более того, стали поощрять общение между военнослужащими и местным населением. Вокруг военных баз вскоре сложилась целая «экосистема» — от немецкого обслуживающего и вспомогательного персонала до спекулянтов, выменивавших сигареты на сувениры нацистской эпохи, и девушек, готовых за ценные подарки составить компанию американскому солдату. Обилие таких девушек не осталось незамеченным и вызывало в немецком обществе широкий спектр эмоций — от зависти до осуждения. За ними вскоре закрепилось прозвище «Вероника Спасибо» (Veronika Dankeschön, образовано от англоязычной аббревиатуры VD — venereal disease) [Jähner 2019: 161]. Речь шла не только о более или менее открытой проституции: за 1946–49 гг. около 20 тыс. немецких девушек покинули Германию в качестве жен американских военнослужащих [Taylor 2011: 141].

Тем не менее все больше немцев — в первую очередь молодых — оказывались вовлеченными в межкультурную коммуникацию, постепенно усваивая «американский стиль жизни». В моду вошли джинсы, привезенная из-за океана музыка, новый дизайн повседневных вещей, на фоне которого предметы старой эпохи казались архаичными. Это усугубляло и так существовавший в немецком обществе конфликт поколений — между «отцами», вернувшимися с войны и стремившимися вернуть себе контроль над семьей путем «эрац-войны против собственных детей» [Jähner 2019: 251], и «детьми», многие из которых

росли без отцов и были склонны считать представителей старшего поколения неудачниками.

В 1946–47 гг. западные державы-победительницы приняли еще одно исключительно важное решение, взяв курс на восстановление западногерманской экономики. Первое время после войны политика в этой сфере была достаточно непоследовательной и противоречивой. С одной стороны, победители несли ответственность за население оккупационных зон; с другой — никто не стремился облегчать участь немцев за счет собственных граждан (в особенности это касалось англичан и французов, собственная экономика которых находилась далеко не в лучшем состоянии). Для немецкой промышленности были установлены квоты, значительно более низкие, чем довоенный уровень производства. Так, в марте 1946 г. эти квоты составили 39 % для производства стали, 40 % — для химической промышленности, 54 % — для цветной металлургии [Benz 1992: 160]. Эти объемы являлись совершенно недостаточными для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование экономики, однако опасения быстрого возрождения германской промышленности на первых порах перевешивали.

Кроме того, было широко распространено представление о том, что страдания немцев пойдут им только на пользу, поскольку приведут к осознанию действительных причин катастрофы, осознанию собственной вины и ответственности. В 1945 г. в одной из директив американского командования значилось: «Немцам необходимо объяснить, что ведение Германией тотальной войны и фанатичное сопротивление нацистов разрушили немецкую экономику и сделали хаос и страдания неизбежными, поэтому они не могут уйти от ответственности за то, что сами себе причинили» [Brenner 2016: 115]. Одно из первых обращений фельдмаршала Монтгомери к населению британской оккупационной зоны также содержало пассаж о том, что немцы должны осознать: они сами виновны в своих бедах [Benz 1992: 77]. Как уже было сказано выше, ничего подобного не происходило. По словам С. Дагермана, «от людей, оказавшихся этой немецкой осенью в нужде и нищете, требовали, чтобы они учились на собственном несчастье. Никто не думал о том, что голод — плохой учитель» [Дагерман 2023: 23].

К изменению политики подталкивали два важных фактора. Первым являлся уже описанный выше кризис снабжения, отчаянная внутренняя ситуация, требовавшая немедленных мер. В этой ситуации сложно было не заметить очевидного: нельзя требовать от немцев, чтобы они обеспечивали себя самостоятельно и при этом платили репарации,

и одновременно жестко ограничивать промышленное производство и запрещать экспорт. Вторым важным фактором являлось усиливающееся противостояние с Советским Союзом. В 1947 г. окончательно стало ясно, что надежда консенсусом решить дальнейшую судьбу всей Германии невелика. Западные и советская зона явно двигались в различных направлениях, усиливалась борьба за «сердца и умы» немцев. Командующий американскими оккупационными силами в Германии генерал Л. Клей остроумно заметил: «Нет такого выбора — стать коммунистом и получать 1500 калорий в день или верить в демократию за 1000 калорий» [Backer 1983: 110].

В результате постепенно начали приниматься меры, способствовавшие восстановлению западногерманской экономики. Уже в мае 1946 г. в американской оккупационной зоне был приостановлен демонтаж промышленных предприятий. В сентябре 1946 г. госсекретарь США Дж. Ф. Бернс произнес в Штутгарте так называемую «Речь надежды», в которой анонсировалось изменение оккупационной политики. Примерно в это же время и британское правительство пришло к выводу о том, что нельзя толкать немцев в объятия русских [Brenner 2016: 206]. Естественно, в процессе не обошлось без споров между союзниками (к примеру, о статусе Рура) и отдельных противоречий — демонтаж промышленных объектов продолжался, хоть и в сильно уменьшенном объеме, до начала 1950-х гг. Однако общая ситуация стала улучшаться. Естественно, это улучшение обычные граждане почувствовали далеко не сразу. Моментом истины для многих стала денежная реформа в западных оккупационных зонах, проведенная в июне 1948 г. Появление новой валюты — немецкой марки — привело к практически мгновенному исчезновению черного рынка и значительному усилению веры немцев в собственные перспективы. Безусловно, успех реформы был во многом предопределен всеми предшествующими мерами, позволившими экономике западных зон поступательно развиваться. Однако в сознании и памяти немцев именно 20 июня 1948 г. стало судьбоносным моментом, финансовым «часом ноль», точкой отсчета западногерманского «экономического чуда». Исследователи говорят о возникновении «патриотизма немецкой марки» — важнейшей составляющей идентичности многих немцев стала принадлежность к успешному в экономическом плане обществу.

Нельзя отрицать, что победители внесли значительный вклад в трансформацию западногерманского общества, а тем более государства. Однако переоценивать их роль также не стоит. Насильно перевоспитать

миллионы людей за пару лет невозможно в принципе — и многие проекты и инициативы по «переобучению» немцев закономерно закончились провалом или имели весьма скромный эффект, «порождая больше ресентимент, чем успешные результаты» [Jarausch 2006: 134]. Тем не менее постепенно западногерманское общество изменилось, и ключевую роль в этом сыграли внутренние факторы.

Миф о «преодолении прошлого»

Немцы смогли разобраться в собственном прошлом, осудить его, признать коллективную ответственность и только поэтому сумели построить демократическое государство — еще один миф, оказавшийся невероятно живучим в общественном сознании. Реальность выглядела прямо противоположным образом: сначала были построены стабильные политические и экономические структуры, а затем уже немецкое общество занялось преодолением своего прошлого.

Широко известно эссе Х. Арндт, в котором она в 1950 г. изложила свои впечатления от поездки в Германию. «Нигде ужасы и разрушения не вызывают так мало чувств и слов, как в самой Германии, — писала она. — Общее отсутствие эмоций, в любом случае очевидная бессердечность, иногда прикрытая дешевой сентиментальностью, есть наиболее заметный внешний симптом глубоко укоренившегося, упорного и временами злобного нежелания увидеть и разобраться в том, что же в реальности случилось». По словам Арндт, это «бегство от реальности есть бегство от ответственности» [Arendt 1994: 249–250].

Нельзя сказать, что недавнее прошлое было покрыто в Германии завесой молчания. В ранней ФРГ о прошлом говорили много и охотно. Но обычно воспоминания немцев были, по словам Дж. Фишера, «направленными, избирательными и служащими самооправданию» [Fisher 2007: 11]. Речь шла преимущественно о собственных страданиях — под бомбами, от голода и холода. Как уже говорилось выше, немцы предпочитали считать себя такими же жертвами обстоятельств, какими были пострадавшие от действий Третьего рейха. Военные преступники, еще остававшиеся в начале 1950-х гг. в заключении под контролем держав-победительниц, сплошь и рядом воспринимались как невинно осужденные, наказанные за то, что просто выполняли свой долг. Политики, церковные деятели и общественники ФРГ развернули массированное «наступление» на представителей держав-победительниц с требованием

немедленно помиловать и отпустить военных преступников, сидевших в английских, французских и американских военных тюрьмах. Узников называли «невинными жертвами несправедливости», которые «вынуждены страдать за весь германский народ». Пресса смаковала недостатки «правосудия победителей» и утверждала, что настоящая цель оного — не покарать злодеев, а обезглавить и унижить немецкий народ. Доходило до того, что «жертвами произвола и террора» называли эсэсовцев, которых судили во Франции за резню гражданского населения в Орадуре! [Frei 2002: 138] Стоит отметить, что речь идет о высказываниях не правых радикалов, а вполне уважаемых «центристских» политиков и газет. Присутствовали и элементы слегка завуалированного шантажа: говорилось о том, что все эти расследования и наказания мешают настоящему примирению народов. А когда речь зашла о создании западногерманских вооруженных сил как части совместной обороны Запада, распространился тезис о том, что ни один немецкий солдат не наденет униформу, пока его боевые товарищи несправедливо сидят за решеткой [Frei 2002: 152].

Отдельной категорией были немецкие военнопленные, оставшиеся на территории Советского Союза; им были адресованы самые горячие симпатии западногерманского общества. Совершенные ими преступления уже никого не интересовали.

Рассуждения К. Ясперса и Т. Манна о коллективной вине и ответственности интересовали в первое послевоенное десятилетие лишь весьма ограниченный круг людей. Более того, человека, который стремился привлечь внимание к проблемам жертв нацизма и соучастия в преступлениях режима большого количества немцев, легко могли обвинить в том, что он пытается спровоцировать гражданскую войну. Весьма показательна биография Филиппа Ауэрбаха — еврея, бывшего узника концлагеря, который после окончания войны занимал ряд ответственных постов в различных административных органах (в частности, государственного комиссара по делам жертв расовых, политических и религиозных преследований в Баварии). Ауэрбах выступал за немедленную и эффективную помощь всем жертвам национал-социализма, а также привлекал внимание к коричневому прошлому многих государственных функционеров ранней ФРГ. В итоге в 1952 г. ему был предъявлен ряд обвинений, и он предстал перед судом, все члены которого являлись бывшими членами НСДАП. Осужденный на два с половиной года тюрьмы, Ауэрбах покончил с собой; два года спустя дело было пересмотрено, приговор признан ничтожным [Brenner 2016: 259–263].

Отказ от обсуждения коллективной и индивидуальной вины и ответственности поощрялся федеральным правительством. Первый федеральный канцлер К. Аденауэр с момента образования ФРГ взял курс на интеграцию бывших национал-социалистов в новую систему. Аденауэр прекрасно понимал, что новая республика не имеет широкой поддержки у населения — скорее к ней относятся равнодушно, — и стремился в первую очередь не допустить формирования мощного антигосударственного течения, во главе которого могли бы стать представители старой элиты, считающие себя немецкими патриотами, которым нанесли незаслуженную обиду. Политика по отношению к бывшим соучастникам нацистских преступлений оказывалась в итоге весьма великодушной при одном условии: если они хотя бы внешне демонстрировали лояльность новой системе.

Первый федеральный канцлер в личных беседах говорил, что не верит и никогда не верил в людей; это во многом определяло принимаемые им решения [Dahlhoff 2015: 27]. Политика Аденауэра заключалась в том, чтобы интегрировать старые элиты в новое государство и тем самым обезвредить их. Вопрос о том, действительно ли человек стал искренним сторонником демократии или продолжал в глубине души тосковать о старых добрых временах, имел сугубо второстепенное значение. Столь же второстепенным становился вопрос о его прошлых деяниях — существовал своего рода консенсус, заключающийся в том, что преступления совершала верхушка НСДАП и СС, а обычные администраторы, дипломаты или юристы просто выполняли свою работу, не испытывая симпатии к нацистам и время от времени предотвращая еще худшие преступления.

Уже в своем первом правительственном выступлении 20 сентября 1949 г. Аденауэр заявил: «Денацификация принесла много несчастья и много вреда. Действительные виновники преступлений, совершенных в эпоху национал-социализма и во время войны, должны быть наказаны. Однако в остальном мы не должны больше делить людей в Германии на два класса: политически безупречные и небезупречные. Это разделение должно исчезнуть как можно скорее». И далее: «Федеральное правительство полно решимости везде, где это представляется допустимым, оставить прошедшее в прошлом» [Erste Regierungserklärung... 2001]. В дальнейшем в партийно-политическом дискурсе закрепилось обозначение бывших нацистов как «совершивших ошибку»; утверждалось, что ошибиться может каждый и ошибку нужно прощать [Frei 2002: 29].

31 декабря 1949 г. специальным законом об амнистии были отменены все наказания для «мелких преступников» — тех, кому был назначен денежный штраф или тюремное заключение сроком менее шести месяцев. По словам Н. Фрая, этот закон «представлял собой акт в высшей степени символический в политическом отношении <...>. Впервые на федеральном уровне получил подкрепление менталитет “просто оставим все в прошлом”, уже возникший в немецком послевоенном обществе» [Frei 2002: 25].

В мае 1951 г. был принят «Закон о завершении денацификации», позволивший всем бывшим нацистским преступникам занимать должности на государственной службе. Итоги уже были описаны выше: в органах власти ранней ФРГ весьма высокую долю руководящих кадров составляли люди с коричневым прошлым. К примеру, в 1953 г. 60 % всех глав департаментов в министерствах ФРГ являлись бывшими нацистами. В Министерстве иностранных дел эта доля была еще выше [Taylor 2011: 342]. Аденауэр в 1951 г. заявил по этому поводу: «Мы нанесем стране большой ущерб, если создадим министерство из господ, которые полны благих намерений и обладают прекрасными качествами, но ничего не понимают в этом деле» [Dahlhoff 2015: 373]. Согласно другому законодательному акту, принятому во исполнение ст. 131 Основного закона, чиновники, уволенные победителями сразу после войны из-за их нацистского прошлого, могли претендовать на компенсации, пенсии и возвращение на службу. Одновременно был принят закон о компенсациях пострадавшим в период национал-социализма [Dahlhoff 2015: 377]. В 1954 г. появился еще один закон об амнистии, частично касавшийся преступлений, совершенных в последние месяцы существования Третьего рейха. В итоге «к середине 1950-х гг. лишь крошечное меньшинство преступников напрямую расплачивались за свои прошлые деяния» [Frei 2002: 91].

Возникшее в результате этих мер положение дел воспринималось как весьма несправедливое уже некоторыми современниками описываемых событий. «Ганс Хунгерман стал оберштурмбаннфюрером и ведал в нацистской партии вопросами культуры. Он воспевал эту партию в пылких стихах, поэтому у него в 1945 г. были неприятности и он потерял место директора школы; но с тех пор его притязания на пенсию давно государством признаны, и он, как бесчисленное множество других нацистов, живет припеваючи и даже не думает работать. Скульптор Курт Бах просидел семь лет в концлагере и вышел оттуда нетрудоспособным калекой. Нынче, через десять лет после поражения нацизма, он все еще

добивается маленькой пенсии, подобно другим бесчисленным жертвам нацистского режима. Он надеется, что ему наконец повезет и он будет получать семьдесят марок в месяц; это составляет около одной десятой той суммы, какую получает Хунгерман, а также около одной десятой того, что уже много лет получает от государства руководитель гестапо, организовавший тот самый концлагерь, где искалечили Курта Баха, не говоря уже о гораздо больших пенсиях, которые выплачиваются всякого рода генералам, военным преступникам и именитым партийным чиновникам» — так завершал в середине 1950-х гг. свой роман «Черный обелиск» Эрих Мария Ремарк [Ремарк 2014: 477].

И действительно, эта часть политики Аденауэра может быть оценена не только как спорная с моральной точки зрения, но и как весьма неоднозначная по своим последствиям. С одной стороны, она предотвратила формирование правой антигосударственной оппозиции, позволив демократическим институтам утвердиться в ранней ФРГ. С другой — имела определенные долгосрочные негативные последствия, в частности спровоцировав масштабные общественные конфликты и радикальный молодежный протест конца 1960-х гг. Широко пропагандировавшийся восточногерманскими властями тезис о том, что ФРГ является лишь продолжением Третьего рейха под новой вывеской, находил отклик у части западногерманской молодежи, поскольку в его основе лежали определенные реальные факты.

Применявшийся правительством Аденауэра подход в отношении прежних элит имел определенное сходство с принятым на заре существования Веймарской республики. Однако имелось и одно важное отличие. С людьми и организациями, открыто выступавшими против новой системы, велась достаточно жесткая борьба. В 1952 г. была запрещена Социалистическая имперская партия — прибежище бывших нацистов, не желавших отказаться от своих взглядов. Одновременно была сорвана попытка таких же «вечно вчерашних» путем инфильтрации взять под контроль Свободную демократическую партию. За похвалу в адрес Гитлера публичная фигура могла понести вполне реальное наказание. Когда в конце 1949 г. депутат от правой Немецкой партии Вольфганг Хедлер позволил себе речь с одобрением нацистской расовой политики, его мгновенно лишили иммунитета и начали судебный процесс. Хедлера также выгнали из партии, что фактически поставило точку в его политической карьере. Суд закончился ничем ввиду противоречивости доказательств (речь не записывалась, имелись только устные свидетельства), что вызвало возмущение в первую очередь у социал-демократов;

на повторном процессе Хедлера приговорили к девяти месяцам тюрьмы. Этот случай также привел к активной разработке законов о защите демократического устройства ФРГ [Frei 2002: 237–250].

Стремясь интегрировать бывших нацистов в новую систему и поощряя молчание в вопросе об индивидуальной вине и ответственности, федеральное правительство тем не менее решительно осуждало сам режим Третьего рейха и совершенные им преступления. В результате складывался парадоксальный образ «преступлений без преступников, нацизма без нацистов» [Frei 2002: 232]. Одновременно федеральное правительство стремилось предотвратить формирование правых «ветеранских» структур, сыгравших столь зловещую роль в Веймарской республике. С одной стороны, поддерживался образ «незапятнанного вермахта», выполнявшего свой долг и не участвовавшего ни в каких грязных делах, на которых специализировались подразделения СС. Западногерманские политики громогласно требовали освободить от ответственности немецких военачальников, обвиненных в военных преступлениях. Назначенные сроки тюремного заключения радикально сокращались. К примеру, фельдмаршал Э. фон Манштейн, приговоренный британским военным судом в 1949 г. к восемнадцати годам лишения свободы, уже в 1953 г. усилиями федерального правительства был выпущен из тюрьмы. Однако бывшим офицерам не просто позволяли, а буквально заставляли их интегрироваться в нормальную гражданскую жизнь. Ветеранские организации были изначально запрещены (впоследствии этот запрет смягчили), военные пенсии отсутствовали [Jarausch 2006: 36].

Естественно, борьба велась с угрозой не только справа, но и слева. Более того, именно эта угроза трактовалась в 1950-е гг. как более опасная. Антикоммунизм стал еще одной важной «скрепой», обеспечивавшей стабильность ранней ФРГ. В только что созданной системе «политического образования», задачей которой являлось развитие у западных немцев демократического сознания, именно антикоммунистические мотивы вышли в 1950-е гг. на первый план [Gagel 1995: 91–97]. Как тех, кто слишком активно настаивал на «проработке прошлого», так и тех, кто критиковал республику «справа», можно было обвинить в том, что они дестабилизируют обстановку и тем самым вольно или невольно подыгрывают Москве. При этом антикоммунизм эпохи начавшейся холодной войны основывался во многом на представлениях о «русских варварах», характерных для немецкого общественного сознания XIX — первой половины XX в. и активно использовавшихся в пропаганде Третьего рейха. В этой сфере, таким образом, тоже наблюдалась определенного рода преемственность.

В немецком обществе образ коммунистической угрозы стимулировал одобрение проводившейся Аденауэром политики интеграции ФРГ в западные экономические и военно-политические структуры. Здесь следует напомнить о том, что эта политика изначально была непопулярной у многих немцев, опасавшихся утраты только что приобретенного государственного суверенитета; в определенных кругах за Аденауэром закрепилось придуманное лидером социал-демократов К. Шумахером прозвище «канцлер союзников» [Benz 1994: 139]. Теперь ФРГ в возрастающей степени воспринималась ее собственным населением как часть «свободного Запада», противостоящего «тоталитарному Востоку», а американцы — не как оккупанты и победители с чуждой культурой, а как защитники и гаранты независимости. Перелом в отношении к США возник после организации «воздушного моста» в Западный Берлин во время первого Берлинского кризиса 1948–49 гг.

В общем и целом для послевоенного западногерманского общества были характерны аполитичность, стремление уйти в частную жизнь, ориентация на личный экономический успех. Лишь меньшинство являлось искренними сторонниками демократии, однако куда большее количество людей было готово демонстрировать лояльность системе, способной обеспечить порядок и благоприятные экономические условия. Общество ранней ФРГ не было демократическим, его можно назвать скорее индифферентным и конформистским. Многие западные немцы, возможно, не были всем сердцем привязаны к новой системе, но и выступать против нее не видели ни малейшего резона. Они могли сохранять критическую дистанцию по отношению к демократии, предпочитая ей авторитарные формы, или являлись конформистами, «демократами по случаю» [Schwelling 2001: 192].

Именно порядок, а не свобода являлся главной ценностью для многих западных немцев. Аденауэр прекрасно использовал эти умонастроения. Его собственный образ и образ возглавляемой им партии — добропорядочная, консервативная, немного старомодная, не склонная к авантюрам — были рассчитаны на симпатии многих немцев старшего и среднего возраста. Электоральные успехи христианских демократов в 1950-е гг. действительно свидетельствовали о том, что лозунг «Никаких экспериментов!» встречал живой отклик у избирателя. По словам В. Бреннера, «на протяжении долгих лет реальный успех на выборах сопутствовал только тем партиям, которые обещали своим избирателям ничего или почти ничего не менять» [Brenner 2016: 4].

О том, насколько значительной ценностью являлись порядок и соблюдение правовых норм, свидетельствовали и высокие рейтинги Федерального конституционного суда — на протяжении всей истории ФРГ он с большим отрывом лидировал в списке государственных институтов, которые пользуются доверием граждан [Dahlhoff 2015: 127].

Аполитичность многих западных немцев имела и другую сторону: идеи национализма лишились своей былой популярности. Х. Йенер называет западногерманское общество 1950-х гг. «несентиментальным обществом компромисса» [Jähner 2019: 86]. Желаящих жертвовать собой или хотя бы прилагать существенные усилия ради великой идеи было в этом обществе откровенно немного. Кроме того, национализм был скомпрометирован поражением в войне и последующим унижительным опытом оккупации. По словам К. Ярауша, «отказ от радикального национализма после 1945 г. стал результатом сложной комбинации вводимых союзниками ограничений и усилий по перевоспитанию, с одной стороны, и процессами обучения и адаптации в германском обществе — с другой» [Jarausch 2006: 62]. Национальная идея не пользовалась популярностью в том числе и потому, что концепция единого народного организма немедленно ставила на повестку дня вопрос о коллективной вине и ответственности, от которого большинство немцев старалось уйти. «Патриотизм немецкой марки» сменял «немецкий патриотизм».

Впрочем, это, опять же, не означает, что перемены были мгновенными. В западногерманском обществе оставалось еще достаточно людей старшего поколения, для которых национальная идея играла большую роль. К их числу принадлежали не только избиратели, но и политики. Как у социал-демократов, так и у христианских демократов можно в этот период обнаружить явный крен в сторону немецкого национализма — не только тактический ход, но и отражение искренних воззрений многих функционеров указанных партий, включая лидера СДПГ К. Шумахера [Frei 2002: 203].

И тем более уход со сцены национализма не означал, что связанный с ним комплекс представлений также остался в прошлом. К примеру, для представителей старших возрастов был характерен бытовой консерватизм. 1950-е гг. в ФРГ проходили во многом под знаком борьбы за «традиционные ценности», сохранение нравственности, против «американизации». Мишенью критики становились комиксы, голливудские фильмы (показ которых требовали ограничить), всевозможная эротическая продукция. Много говорилось о необходимости защищать молодежь от растления

нравов, чему сама молодежь, естественно, была отнюдь не рада [Jähner 2019: 249]. Появление в 1951 г. на экранах фильма «Грешница», главная положительная героиня которого была проституткой, вызвало бурный протест части общественности. В особенности активны на этом поприще оказывались, что неудивительно, недавние убежденные нацисты. Риторика «традиционных ценностей» при этом не сильно отличалась от той, которая была принята во Втором и Третьем рейхе.

Эту риторику в определенной степени поддерживали и церкви, все еще пользовавшиеся значительным влиянием в германском обществе. Более половины немецких католиков и около четверти протестантов регулярно посещали богослужения [Dahlhoff 2015: 182]. У церковей имелся немалый авторитет — считалось, что они смогли сохранить определенную независимость в годы Третьего рейха и поддерживали «тихое сопротивление» режиму. И западные державы-победительницы, и политическая элита ФРГ придавали большое значение работе с церковной иерархией. Это позволяло немецкому духовенству выступать в роли достаточно самостоятельного игрока. Оно позиционировало себя в первую очередь как защитника интересов паствы (пример кардинала Фрингса уже приводился выше) и с этой позиции могло критиковать деятельность оккупационных властей. Хотя, как и другие немцы, церковные иерархи не стремились критически разобраться в темных эпизодах своего прошлого (использование подневольного труда, молчание о преступлениях), они в целом поддерживали новый порядок. Поддержка церковей также способствовала тому, что общество приняло молодую республику.

Важнейшим направлением государственной политики являлась работа с молодежью. Как уже говорилось выше, в ранней ФРГ молодежь нередко воспринималась как проблемная группа населения, «зараженная» нацизмом с ранних лет. На самом деле, как вскоре выяснилось, ситуация была практически прямо противоположной. Выше уже говорилось о создании в 1950-е гг. в ФРГ сети институтов «политического образования». На начальном этапе основной акцент в рамках данной системы делался на продвижении идеи демократии не только как политической системы, но и как формы жизни общества. Важной задачей считалось преодоление отчужденности и политической апатии; требовалось воспитать у молодежи чувство причастности к единому обществу, ответственности за происходящее в стране, желание участвовать в демократических процессах. Ключевой концепцией «политического образования» в 1950-е гг. являлось «воспитание сообщества»

(Gemeinschaftserziehung), включавшее в себя культуру конструктивной дискуссии, совместного принятия решений и достижения компромиссов [Gagel 1995: 83–85].

Вероятно, ключевым фактором, способствовавшим принятию западными немцами своего нового государства, стало знаменитое «экономическое чудо». В течение 1950-х гг. экономика ФРГ, освобожденная от послевоенных ограничений и пользовавшаяся благоприятной конъюнктурой на мировом рынке, быстро росла. За 1948–53 гг. она выросла более чем в три раза. Средний ежегодный рост ВВП в 1950-е гг. составлял 8,2 % [Jarausch 2006: 89]. Соответствующим образом росли и доходы населения. Многие немцы считали повышение личного благосостояния ключевой жизненной целью и готовы были работать для ее достижения. «Экономическое чудо» во многом вернуло немецкому обществу веру в свои собственные силы и возможности, способствовало преодолению апатии. Экономический рост помог решить целый ряд сложных проблем — к примеру, проблему многих миллионов беженцев с утраченных восточных территорий и из советской оккупационной зоны. Постоянно растущий спрос на рабочую силу способствовал их быстрому вовлечению в экономику [Jähner 2019: 82]. Довольно быстро во многих регионах ФРГ исчезла напряженность между «местными» и «пришлыми», существовавшая в первые послевоенные годы.

Чтобы смягчить социальные контрасты и повысить уровень солидарности в обществе, федеральное правительство приняло ряд мер. В первую очередь они были направлены на помощь пострадавшим от войны и изгнанным из родных мест. Так, в 1950 г. был принят «Федеральный закон об обеспечении нуждающихся» [Dahlhoff 2015: 358]. Наиболее масштабной из этих мер стало принятие в 1952 г. «Закона о равном распределении тягот». В соответствии с ним каждый немец должен был выплатить государству половину стоимости той собственности, которой он располагал в июне 1948 г. Уплата происходила ежеквартально равными долями в течение тридцати лет. Полученные средства шли на выплату компенсаций людям, лишившимся своего имущества в результате боевых действий, бомбежек, изгнания с восточных территорий и т. п. «Закон о равном распределении тягот» иногда называют самым важным законодательным актом в истории ранней ФРГ, не уступающим по своему значению Основному закону и документам о вступлении в западноевропейские и трансатлантические интеграционные структуры [Jähner 2019: 85]. Другой мерой, направленной на решение социальных проблем, являлось масштабное жилищное строительство — абсолютная

необходимость в стране, города которой были наполовину разрушены в ходе войны.

В результате всего вышеперечисленного отношение западногерманских граждан к своему государству и его ведущим политикам стремительно менялось. В 1952 г. при ответе на вопрос о том, кто из немцев сделал больше всего для Германии, О. фон Бисмарк набирал 36 % и уверенно лидировал, Гитлер — целых 9 %, а Аденауэр — всего 3 %, однако уже во второй половине десятилетия ситуация коренным образом изменилась. В 1958 г. Аденауэр с 26 % занял первое место, Бисмарк с 23 % отошел на второе, доля поклонников нацистского фюрера сократилась более чем вдвое — до 4 % [Nonn 2015: 353]. К 1953 г. число сторонников демократии выросло до 57 % (авторитарной системы — 19 %), к 1955 г. — до 70 %, к 1960 г. — до 74 % [Gabriel 1987: 34–36]. В 1955 г. половина западных немцев отвергала идею «единой сильной национальной партии» (хотя почти 30 % ее все еще поддерживали) [Allerbeck 1976: 91], к концу 1950-х гг. почти 80 % одобряли многопартийную систему [Gabriel 1987: 36]. Доля тех, кто считал 1933–39 гг. лучшим временем в германской истории, за 1950-е гг. упала с более чем 40 % до менее чем 20 % респондентов [Smith 2020: 418]. Доля же предпочитавших настоящее с 1951 по 1963 г. выросла с 2 % до 63 % [Winkler 2010: 221]. В 1954 г. американский высокий комиссар Дж. Б. Конент заявил: «Похуже, немцы порвали со своим недемократическим прошлым» [Jarausch 2006: 139]. Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем.

Более того, в конце 1950-х гг. в Западной Германии началась «проработка прошлого», неразрывно связанная с формированием демократического общества. Это был длительный, непростой и медленный процесс, и проходил он в условиях, когда демократическое государство и рыночная экономика в ФРГ уже были приняты подавляющим большинством населения.

Заключение: почему Бонн не стал Веймаром?

«Бонн — не Веймар» — так называлась книга западногерманского журналиста Фрица Рене Аллеманна, увидевшая свет в 1956 г. [Allemann 1956]. Заголовок быстро стал крылатым выражением, своеобразным девизом молодой ФРГ: главная ее задача заключалась в том, чтобы не повторить трагический путь первой немецкой демократии. Все остальное было во многом подчинено этой задаче.

Ключевое значение при этом имела позиция общества: примет ли оно новую систему? С самого начала результат вовсе не был гарантирован: даже после 1945 г. большинство немцев скептически относились к демократии и хотели не столько свободы, сколько порядка. Это большинство видело себя жертвами Второй мировой войны, возлагало ответственность на горстку нацистских бонз, а немалое число граждан ранней ФРГ и вовсе тосковало по довоенным временам.

Обеспечить порядок, внутренний мир, добиться на первом этапе хотя бы согласия общества с новым государством — такова была задача Аденауэра и его помощников в первой половине 1950-х гг. В качестве одной из главных потенциальных угроз выступало формирование крупных общественных течений, враждебных молодой республике. Именно поэтому федеральное правительство прилагало большие усилия для интеграции бывших нацистов (при условии их лояльности новой системе) и одновременно боролось с правыми и левыми радикалами. Вопрос наказания за былые преступления играл сугубо второстепенную роль.

Реально ли было добиться того же результата более жесткими мерами, включавшими радикальную люстрацию и наказание всех соучастников преступлений Третьего рейха? Можно довольно долго размышлять над этим вопросом. Однако не следует забывать, что у представителей оккупационных держав и новой западногерманской политической элиты не было возможности ставить многочисленные эксперименты. Им приходилось действовать наугад, понимая цель, но не зная заранее результата, идти на многочисленные компромиссы; их возможность контролировать происходившие в обществе процессы была весьма ограниченной. Они, как уже говорилось выше, стремились не допустить худшего варианта развития событий — очередного витка германского «особого пути», — и они успешно достигли этой цели.

Да, Аденауэр и его команда могли в определенной степени опереться на западные державы-победительницы. Было очевидно, что последние вмешаются в случае реальной угрозы превращения ФРГ в праворадикальную диктатуру. Это осознавалось всеми игроками и оказывало свое влияние на внутривнутриполитические процессы в молодой республике. Однако в общем и целом роль держав-победительниц оказалась хотя и весомой, но все же ограниченной. Распространенный в информационном пространстве тезис «победители перевоспитали немцев» не соответствует действительности. Основная работа была проделана самими немцами, и в первую очередь демократически настроенным меньшинством. Меньшинством, о котором ни в коем случае нельзя забывать, описывая

настроения большинства. Ведь, как писал К. Ярауш, «без их страстной борьбы за лучшую Германию проект держав-союзников по переводу питания не удался бы» [Jarausch 2006: 280].

К концу 1950-х гг. западногерманское общество в массе своей лояльно относилось к существующей политической системе. Именно с этого момента постепенно начал пробуждаться интерес к проработке собственного прошлого, к преступлениям нацистской эпохи. Этому в немалой степени способствовали демографические процессы: на сцену постепенно выходило «поколение детей», не задействованное в преступлениях и потому не имевшее прямого мотива обходить неудобные сюжеты стороной. По мнению того же К. Ярауша, разделяемому многими исследователями, формирование в ФРГ «гражданского общества западного типа» относится к концу 1960-х гг. — спустя много лет после того, как были сформированы работающие механизмы демократического государства [Jarausch 2006: 271].

К этому времени история послевоенной Западной Германии стала считаться «моделью успеха» — моделью, которую впоследствии не раз старались воспроизвести в других регионах планеты (в частности, в Ираке в начале XXI в.). Далеко не всегда эти попытки завершались успехом. В какой степени вообще можно опираться на западногерманский опыт или его следует охарактеризовать как уникальный и неповторимый?

При ответе на этот вопрос необходимо вспомнить, что уникальным и неповторимым является любое историческое событие, любой процесс. История никогда не повторяется в точности, однако это не значит, что знание о прошлом бесполезно. Не одинаковые, но похожие своими отдельными элементами ситуации, проблемы, задачи встречаются в истории сплошь и рядом, и знание прошлого помогает лучше справляться с сегодняшними вызовами. Исторический опыт — это не точная инструкция для решения современных проблем. Скорее, его можно сравнить с подсказками, которые могут помочь найти верный путь — если, конечно, хорошенько над ними подумать.

Литература

Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М.: РОССПЭН, 2014.

Дасгерман С. Немецкая осень. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023.

Заломон Э. фон. Анкета. СПб.: Владимир Даль, 2019.

Кнопф Г. История триумфов и ошибок первых лиц ФРГ. М.: АСТ, 2008.

Петелин Б. В. Ранняя история ХДС: Аденауэр — Кайзер — Нушке. Череповец: ЧГУ, 2014.

Ремарк Э. М. Черный обелиск. М.: АСТ, 2014.

Старгардт Н. Мобилизованная нация. Германия 1939–1945. М.: Азбука-Аттикус, 2021.

Травин Д. Я. Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М.: АСТ, 2002.

Филитов А. М. Германский вопрос от раскола к объединению. М.: Международные отношения, 1993.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М.: РОССПЭН, 2017.

Эппле Н. В. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Юдин Г. Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999.

Allemann F. R. Bonn ist nicht Weimar. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1956.

Allerbeck K. R. Demokratisierung und sozialer Wandel in der Bundesrepublik Deutschland. Sekundaranalyse von Umfragedaten 1953–1974. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976.

Arendt H. Essays in understanding, 1930–1954. New York: Schocken Books, 1994.

Backer J. H. Winds of history. The German years of Lucius DuBignon Clay. New York: Van Nostrand Reinhold Company, 1983.

Benz W. Potsdam 1945. Besatzungsherrschaft und Neuaufbau im Vier-Zonen-Deutschland. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1992.

Benz W. Die Gründung der Bundesrepublik. Von der Bizone zum souveränen Staat. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1994.

Birke A. M. Nation ohne Haus. Deutschland 1945–1961. München: Siedler Verlag, 1989.

Brenner W. Zwischen Ende und Anfang. Nachkriegsjahre in Deutschland. München: Dtv Verlagsgesellschaft, 2016.

Conze E., Frei N., Hayes P., Zimmermann M. Das Amt und die Vergangenheit: Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. München: Karl Blessing Verlag, 2010.

Dahlhoff G. Konrad Adenauer. Innenpolitik 1949–53 und ihre Bedeutung. Marburg: Tectum Verlag, 2015.

Erste Regierungserklärung von Bundeskanzler Adenauer. 20. September 1949 // Konrad-Adenauer-Stiftung. 01.07.2001 URL: <https://www.kas.de/de/einzeltitel/-/content/erste-regierungserklaerung-von-bundeskanzler-adenauer> (дата обращения: 20.10.2023).

Fay J. Theaters of occupation. Hollywood and the reeducation of postwar Germany. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2008.

Fisher J. Disciplining Germany: Youth. Reeducation and reconstruction after the Second world war. Detroit: Wayne State University Press, 2007.

Frei N. Adenauer's Germany and the Nazi past. Politics of amnesty and integration. New York: Columbia University Press, 2002.

Gabriel O. Demokratiezufriedenheit und demokratische Einstellungen in der Bundesrepublik Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1987. Bd. 37. B 22. S. 32–45.

Gagel W. Geschichte der politischen Bildung in der Bundesrepublik Deutschland. Opladen: Leske + Budrich, 1995.

Hildebrand K. Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler, 1871–1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995.

Hitlers Eliten nach 1945 / Hg. v. Norbert Frei. Frankfurt-am-Main: Campus Verlag, 2001.

Jähner H. Wolfszeit. Deutschland und die Deutschen 1945–1955. Berlin: Rowohlt, 2019.

Jarusch K. H. After Hitler. Recivilizing Germans 1945–1995. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Leßau H. Entnazifizierungsgeschichten. Die Auseinandersetzung mit der eigenen NS-Vergangenheit in der frühen Nachkriegszeit. Göttingen: Wallstein Verlag, 2020.

Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden: Eberhard Brockhaus Verlag, 1947.

Nonn C. Bismarck. Ein Preuße und sein Jahrhundert. München: C. H. Beck, 2015.

Ramelsberger A. Als der Mann zur Last wurde // Süddeutsche Zeitung. 07.05.2015. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/frauen-das-kleine-bisschen-glueck-1.2468158> (дата обращения: 25.10.2023).

Schwellung B. Wege in die Demokratie. Eine Studie zum Wandel und zur Kontinuität von Mentalitäten nach dem Übergang vom Nationalsozialismus zur Bundesrepublik. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2001.

Smith H. W. Germany: A nation in its time. Before, during, and after nationalism, 1500–2000. New York: Liveright, 2020.

Taylor F. Exorcising Hitler: The occupation and denazification of Germany. London: Bloomsbury, 2011.

Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Bd 2. Deutsche Geschichte vom “Dritten Reich” bis zur Wiedervereinigung. München: Verlag C. H. Beck, 2010.

Николай Анатольевич Власов

**Новое начало?
Западные немцы в первое послевоенное десятилетие**

Препринт М-101/23

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 15.11.2023.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

